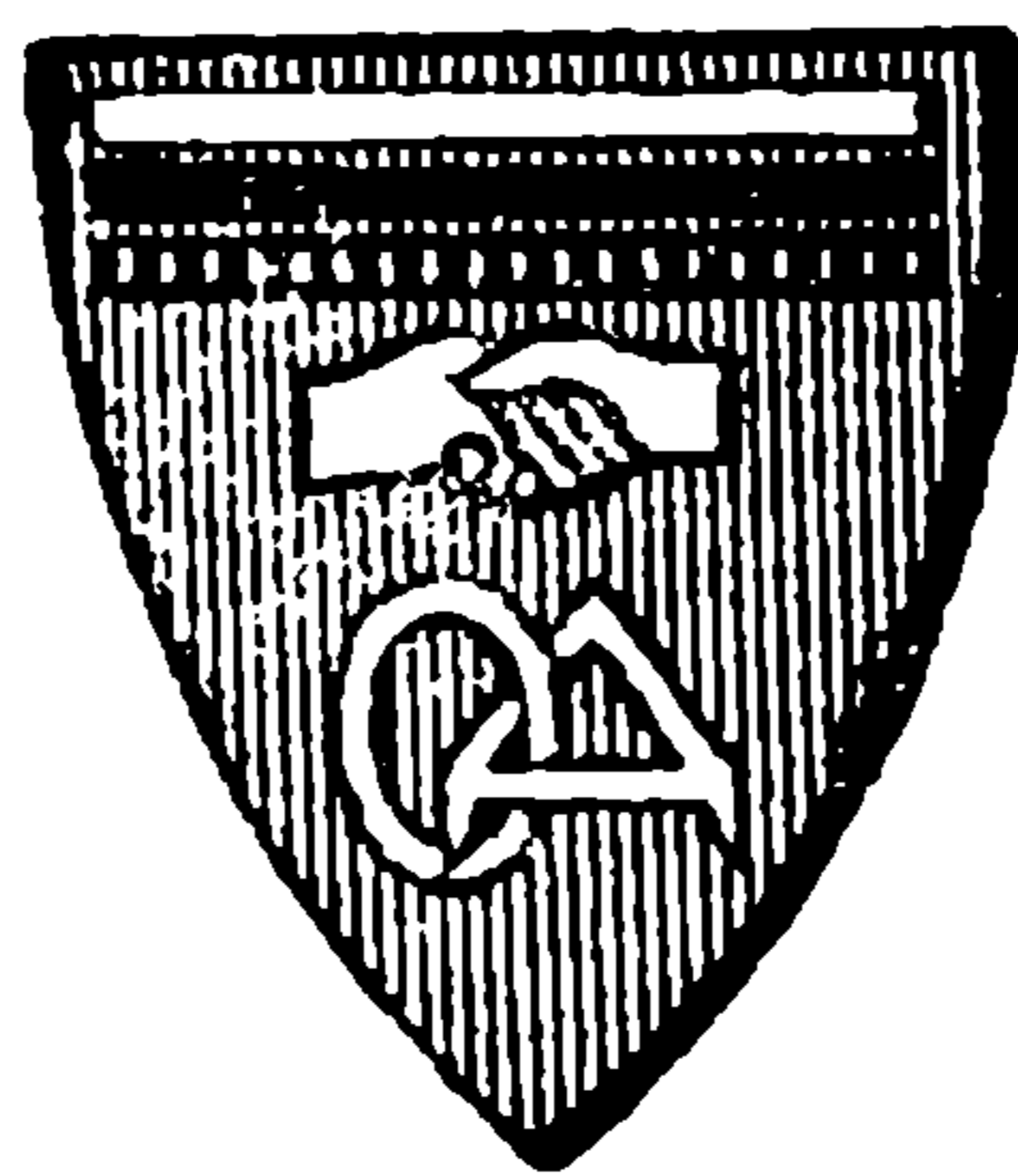


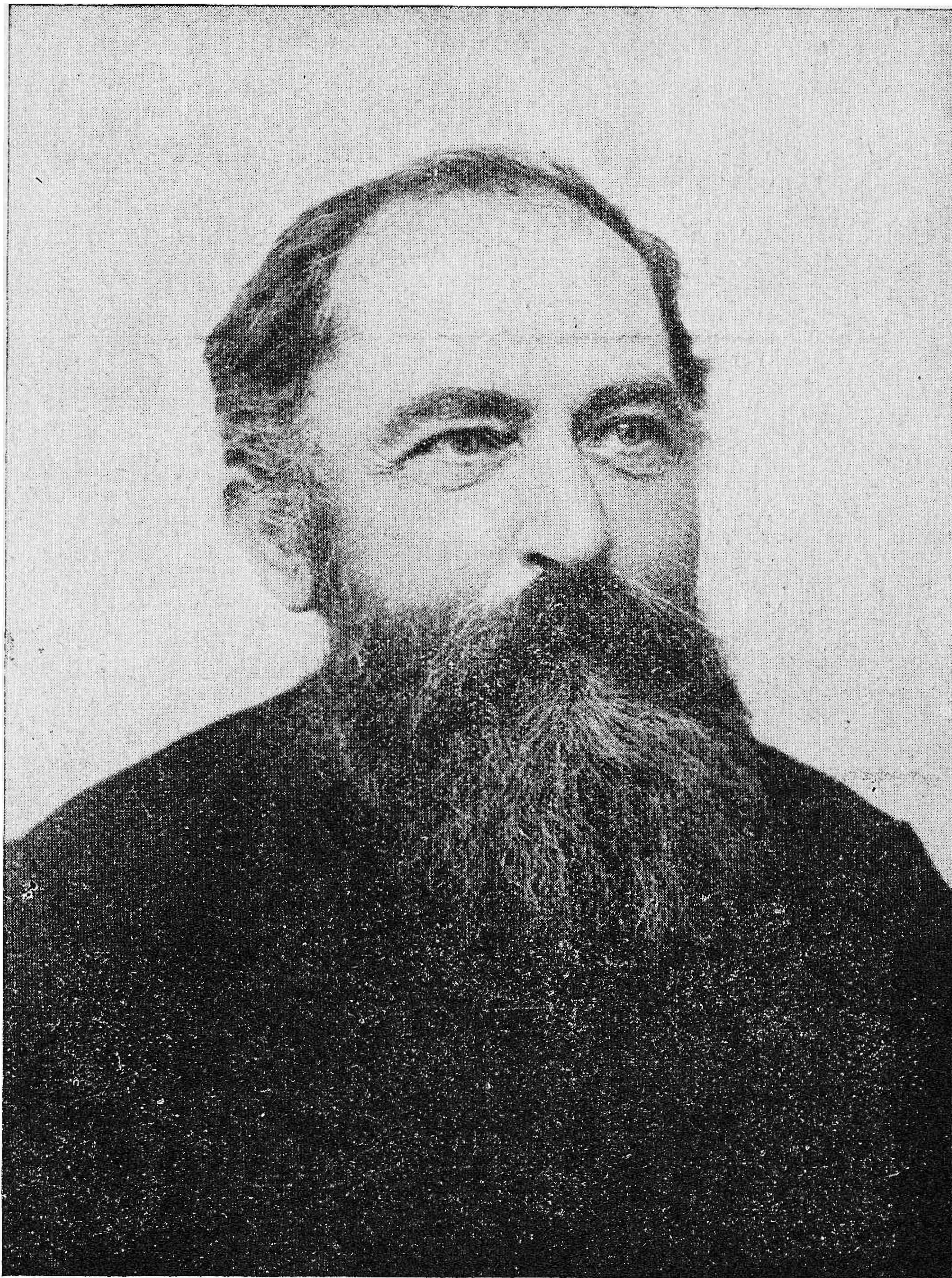
**Александръ Андреевичъ
МИТРАКЪ**

**Къ открытію его памятника въ Мукачевѣ 7. VI.
1931 въ рамкахъ торжествъ дня Русской Культуры.**

- 1. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ: Почему мы открываемъ
памятникъ А. А. Митраку?**
- 2. Архидіаконъ Евменій И. Сабовъ: Рѣчь при открытіи
памятника.**

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЪ».





**Александръ Андреевичъ
МИТРАКЪ.**

Д-ръ СТЕПАНЪ А. ФЕНЦИКЪ.

Почему мы открываемъ памятникъ А. А. Митраку?

Въ 1931 году, благодаря глубокой солидарности широкихъ слоевъ русской общественности на Подкарпатской Руси и благодаря сочувствію со стороны земскихъ и городскихъ властей, О-во им. А. В. Духновича открываетъ четвертый по счету памятникъ выдающемуся культурно-національному дѣятелю карпаторусскаго народа.

При сткрытіи памятниковъ О-во руководится не случайнымъ мнѣніемъ.

Первый — былъ открытъ въ Севлюшѣ — нашему **вождю и патрону О-ва** — Александру Духновичу, затѣмъ въ Ужгородѣ О-во карпаторусскихъ студентовъ «Возрожденіе» совместно съ О-вомъ им. А. В. Духновича соорудило памятникъ Евгенію А. Фенцику, **преемнику Духновича на полѣ національнаго возрожденія**. Въ 1929 г. въ Ужгородѣ О-во им. А. В. Духновича торжественно открыло памятникъ А. И. Добрянскому, **національно-политическому вождю своего народа** въ ознаменованіе десятилѣтія со дня добровольнаго присоединенія къ ЧСР. и тѣмъ самымъ включенія въ рамки славянской державности.

Въ 1931 году мы открываемъ памятникъ Александру Андреевичу Митраку, въ знакъ полной солидарности съ его трудами въ области утвержденія нашего языка.

Въ 1931 году нашими стараніями и Учительскаго Товарищества Подкарпатской Руси въ школы были допущены, впервые послѣ переворота, дѣйствительно русскія книги — букварь и двѣ читанки, составленныя на основаніи нашей — русской — литературной традиціи и знаменитаго словаря А. А. Митрака.

Въ этомъ году уже не только національные противники, но и представители ученаго міра, недостаточно освѣдомленные въ нашихъ **литературныхъ дѣлахъ** и смѣшивая наши разговорные діалекты съ **языкомъ нашей литературной традиціи**, пытались доказать, что, вслѣдствіе нашей принадлежности къ малорусскому племени, мы должны учиться въ школахъ на... украинскомъ языкѣ. Въ этомъ утвержденіи ничего новаго нѣтъ.

Вѣдь и словарь Митрака, которымъ мы всегда гордились, какъ своимъ національнымъ сокровищемъ, въ свое время не былъ одобренъ мадьярской Академіей Наукъ, въ то время, какъ словарь Ласлова Чопея, который **русскими буквами**

писалъ на испорченномъ мадьярскомъ языкѣ, получилъ премию за свою «научность». Теперь-же противники единства русскаго народа и несвѣдущіе хотятъ насъ — малороссовъ — заставить обучаться на украинскомъ литературномъ языкѣ, который представляетъ собою мѣшанину изъ польскихъ и новоизобрѣтенныхъ словъ и формъ, противныхъ не только нашей литературной традиціи, но и нашей разговорной рѣчи и церковно-славянскому языку, который вѣками крѣпилъ нашу русскость. Но при этомъ сторонники украинскаго языка совершенно забываютъ то, что только незначительная часть малорусскаго народа, и то подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ нѣмцевъ, рѣшилась на то, чтобы отказаться отъ своего дѣтища — обще-русскаго литературнаго языка и перейти на мѣшанину, выполняя этимъ программу тѣхъ, кому опасно единство русскаго народа. Они забываютъ, что и при современномъ безправіи всего русскаго народа статистики показываютъ, что **большинство малорусскаго племени и понынѣ признаетъ русскій литературный языкъ своимъ сокровищемъ, общимъ для всѣхъ русскихъ племенъ.**

Нашъ отвѣтъ на всѣ эти попытки и утвержденія — торжественное открытіе памятника А. Митраку, который впервые далъ нашему народу учебникъ для перехода отъ мадьярской школы къ своему родному языку. Нашъ языкъ — это языкъ словаря и сочиненій Митрака. Онъ обогащаетъ сокровищницу русскаго языка нашими мѣстными словами, но нигдѣ и ни въ чемъ онъ не противорѣчитъ тому, къ чему мы всѣ стремимся, — русскому литературному языку. Вѣдь слѣдуетъ помнить, что свой словарь, и тѣмъ болѣе свои стихи и прозу, Митракъ писалъ для карпатороссовъ, а слѣдовательно и исходилъ онъ изъ того, чтобы его книги были доступны нашему народу и были ему на пользу. То-же, что Митракъ въ настоящее время пользуется широкой любовью народной, и что его словарь и нынѣ потребовалъ новаго изданія, свидѣтельствуется, что онъ трудился не напрасно и что народъ оцѣнилъ его труды по достоинству.

Митракъ создалъ крѣпость нашего языка, эту крѣпость защищали наши дѣды и родители, эту крѣпость будемъ защищать мы, наши дѣти и внуки.

Основаніе этой крѣпости лежитъ въ нашемъ русскомъ говорѣ, стѣны этой крѣпости созданы трудами нашихъ старшихъ вождей — Духновича, Добрянскаго, Раковскаго, Митрака, Фенцика, Сильвая, Кралицкаго и прочихъ «соколятъ» Духновича, а нынѣ, наши современные писатели возводятъ бойницы, вершины которыхъ уходятъ въ безсмертье, освященное именами великихъ русскихъ и міровыхъ писателей — Пушкина, Достоевскаго и Толстого.

Прославленіе А. Митрака — это праздникъ Русской Культуры, наше утвержденіе и нашъ отвѣтъ.

ЕВМЕНІЙ САБОВЪ.

Р ѣ ч ь

при открытіи памятника О. АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ
МИТРАКУ-МАТЕРИНУ въ Мукачевѣ 7. VI. 1931.

Поздравляю Васъ, почтеннѣйшіе присутствующіе, съ радостнымъ торжествомъ «Дня Русской Культуры», для развитія которой и маленькая Подкарпатская Русь охотно трудилась, да и теперь рада стараться. О семъ свидѣтельствуется и огромное множество собравшейся здѣсь изряднѣйшей интеллигенціи и присутствіе дорогихъ гостей, сочувствующихъ нашимъ стремленіямъ.

Въ драгоцѣнномъ вѣнкѣ, сплетенномъ изъ отличнѣйшихъ цвѣтовъ міровой русской культуры, скрывается едва замѣтный, маленькій, скромный цвѣтокъ; имя его — **Александръ Андреевичъ Митракъ**, составитель «Русско-Мадьярскаго» и «Мадьярско-Русскаго Словаря». — Еще сорокъ лѣтъ тому назадъ его жизнеописатель указывалъ, что «онъ ищетъ тѣхъ наградъ въ своемъ собственномъ собраніи, которыхъ нищенствующій угро-русскій народъ удѣлится ему никогда не будетъ въ состояніи»¹⁾.

Однако, общественность Латоричанской области «не забыла о своемъ» уроженцѣ, соорудивъ въ его честь изваянный, скромный, но все-же достойный своего просвѣтителя — памятникъ. Тѣмъ самымъ наша общественность показала себя достойной преемницей благороднѣйшихъ началъ безкорыстно-благого по душѣ карпаторусскаго учителя-писателя, судьба котораго осуществляетъ вѣчныя слова: «смирняяй себе, вознесется».

Общество-же им. А. В. Духновича по завѣтамъ своихъ достойныхъ предковъ выплачиваетъ только долгъ Русской культурѣ тѣмъ, что ея торжество связываетъ съ торжественнымъ открытіемъ, нынѣ уже четвертаго памятника четвертому изряднѣйшему члену О-ва св. Василя Великаго, бывшему разсадникомъ русскаго образованія.

Въ 1864—1868 годахъ Александръ Андреевичъ Митракъ-Материнъ развивалъ свою успѣшнѣйшую дѣятельность именно въ Мукачевѣ. Въ это время, кромѣ уже ранѣ процвѣтавшаго церковнаго хора, началъ дѣйствовать и мірской хоръ, въ которомъ принимала участіе, какъ преобладавшая въ то время мадьярская знать, такъ и наши русскіе люди. Пѣлись и наши русскія пѣсни, и вообще славянскія и чешскія²⁾.

¹⁾ Листокъ. Унгваръ, 1893, стр. 79.

²⁾ По разсказу современника, Юлія Киша, гр. каѳ. учителя въ Мукачевѣ пѣвались слѣдующія пѣсни: «Думы, мои думы», «Подкар-

Митракъ восхищался **родными пѣснями**, но ни онъ, ни его сверстники не могли надѣяться, а тѣмъ менѣе предвидѣть, что двѣ изъ пѣсень, которыя пѣлъ мѣрской хоръ, а именно **«Подкарпатскіе Русины»** и **«Гдѣ домовъ муй»** возгремятъ на парадной площади славнаго города Мукачева въ связи съ открытіемъ памятника скромному работнику прагѣдовской русской культуры — **Александру Митраку-Материну**.

Воспойте-же славу неразрушаемой единодержавности народовъ чешскаго, словацкаго и русскаго въ Чехословацкой Республикѣ!

* * *

Александръ Андреевичъ Митракъ, родившійся въ селѣ Плоскомъ, Бережской столицы, 16 октября 1837 года въ семьѣ русскаго духовника, гдѣ преимущественно слышалась русская рѣчь, не много зналъ по мадьярски. Въ 1847 году онъ поступилъ въ ужгородскую гимназію, учился въ ней въ теченіи шести лѣтъ, а 7 и 8 классы закончилъ въ Сукмарѣ, гдѣ, между прочимъ, прилежно студировалъ и «Церковную Газету» І. Раковскаго. Изъ Сукмара съ матурой возвратился Митракъ въ Ужгородъ, гдѣ 5 октября 1866 года былъ принятъ въ богословскій лицей. Слѣдовательно, А. Митракъ получилъ среднее образованіе въ самое критическое время, когда, съ одной стороны, **латинскій языкъ** обученія уступалъ **мадьярскому**, а затѣмъ наступала эпоха **германизаціи**, хотя въ это-же время давалось нѣкое мѣстечко и русскому языку въ общественной жизни и въ школахъ. Настроеніе населенія вмѣстѣ съ настроеніемъ учащейся молодежи мѣнялось подъ вліяніемъ политическихъ событій. Учителя уже въ низшихъ школахъ возбуждали мадьярскій національный духъ, и даже малый гимназистъ былъ въ курсѣ дѣлъ мадьярскихъ возстаній за свободу и вѣру противъ австрійскаго правительства. А когда вспыхнуло, а затѣмъ въ полной мѣрѣ разгорѣлось, мадьярское возстаніе въ 1848 году, и въ нашемъ краю, вмѣстѣ съ прочими, увлекло и часть богослововъ ужгородской духовной семинаріи. Гимназистовъ возбуждали жители, учителя были вдохновлены, но все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока получались пріятныя вѣсти о побѣдахъ **«за свободу»**.

Неожиданно эти вѣсти смѣнились сообщеніемъ о приближеніи огромнаго числа россійскаго воинства и . . . неожиданно Угорщина лежала у ногъ русскаго императора. **Побѣдилъ русскій царь; онъ взялъ верхъ и надъ австріяками.**

Россійское войско возвращается домой черезъ нашу область. Гимназистовъ въ это время распускаютъ по домамъ. Когда-же Митракъ возвратился въ Ужгородъ въ 1850 году,

онъ видитъ по улицамъ русскія надписи уже на первомъ мѣстѣ, гимназисты въ русскую церковь ходятъ уже и въ будни, въ классахъ даются уроки и на русскомъ языкѣ, чаще слышенъ русскій разговоръ... Юноша Митракъ встрѣчается съ молодымъ всждемъ русскаго населенія, съ А. И. Добрянскимъ.

Потомъ произошелъ переломъ. Начали допекать нѣмецкими уроками, ученики заволновались... пошли репрессіи; гимназистовъ даже арестовывали¹⁾. Всѣ эти происшествія не могли не повліять на воспріимчивую душу Митрака, и онъ, по собственномъ признанію, былъ занятъ «чужими мыслями»:

И взоръ мой омраченъ предразсужденьями;
«И я былъ увлеченъ чужими мыслями,
Мнѣ гнусенъ сталъ языкъ народа моего,
Къ чужому я привыкъ, не зная своего».

Если-бы жесточайшія мѣры преслѣдованія со стороны австрійскаго правительства не вызвали-бы не только мадьярское населеніе, но и прочія народности, къ естественному сопротивленію, и если-бы и по нашимъ областямъ не проводились-бы слѣдствія по самымъ глупымъ доносамъ сыщиковъ и не приносились-бы жесточайшія испытанія даже наилояльнѣйшимъ къ монарху нашимъ русскимъ людямъ, не насталь-бы и естественный отпоръ въ вопріимчивыхъ душахъ молодежи противъ австрійскаго абсолютизма съ его германизаціей и одновременно съ чувствомъ, благопріятнымъ къ своему угнетенному народу.

Русскіе стихи онъ писалъ уже въ духовной семинаріи²⁾ и помѣщалъ ихъ въ издаваемомъ тамъ рукописномъ журналѣ, а одновременно прилежнѣйшимъ образомъ читалъ и изучалъ русскія книги. Возможно, что призракъ мадьярства во снѣ видѣлъ онъ и позже, но повидимому еще въ духовной семинаріи онъ съ убѣжденіемъ могъ утверждать:

Теперь пріятенъ мнѣ
Родного слова звукъ,
Теперь ужъ онъ мнѣ
Дороже всѣхъ наукъ.

Что-же касается бунтарства, то Митракъ по своему миролюбивому характеру во время школьнаго обученія, конечно, въ немъ не участвовалъ.

¹⁾ См. въ концѣ мои «Воспоминанія.

²⁾ Листокъ, 1893, стр. 78.

А. Митракъ-Материнъ.

Александръ Андреевичъ Митракъ подъ своими стихотвореніями ставилъ псевдонимъ: М а т е р и н ъ. Это принятое имъ имя дѣйствительно обнимаетъ все его существо, существо нѣжной, заботливой и безкорыстно-любящей матери по отношенію къ своимъ сестрамъ, круглымъ сиротамъ, къ своимъ прихожанамъ, горькую и безропотную судьбу которыхъ онъ всецѣло раздѣлялъ, къ своему народу.

Будучи катехетомъ и проживая въ Мукачевѣ, Митракъ учительствовалъ въ народной школѣ. Какъ разъ въ это время учился въ этой школѣ нашъ извѣстный историкъ Ю. К. Жатковичъ, который въ своихъ воспоминаніяхъ¹⁾ далъ характеристику тогдашнихъ учителей и способовъ преподаванія. Эта характеристика чрезвычайно важна для біографіи Митрака.

«Метода ученія была у всѣхъ одинакова: бить по плечамъ прутикомъ, даже палицей, а по перстикамъ линейками; изъятіемъ былъ русскій катехетъ А. Митракъ, который даже не выругалъ школяровъ; однако, ученики не злоупотребляли его ласкою и любили его».

Ростомъ низенькій, до нельзя скромный, — онъ даже не женился, — по его словамъ — «чтобъ черезъ меня родъ человѣческой не выродился»²⁾; при томъ «трудолюбивый и къ своему угрорусскому народу съ пламенною любовью обязанный»³⁾. Эту свою любовь къ народу онъ проявляетъ въ краткихъ, но многоговорящихъ сердцу стихахъ:

Добро тому богатому,
Что родился паномъ;
Добро тому счастливому,
Кто не былъ Иваномъ.

Кто не знаетъ нашей старой пословицы: «Не дай Боже изъ Ивана — пана», тотъ не пойметъ и значенія этого стишка! «Иванъ» — это русинъ, кого и свой панъ бьетъ и угнетаетъ пуще чужого. Вотъ этому-то презрѣнному Ивану и сочувствуетъ всѣмъ своимъ сердцемъ его поэтъ: Митракъ-Материнъ.

Когда-же Митракъ пишетъ о Верховинѣ — онъ изображаетъ трагедію своего народа:

Горы наши, горы,
Наши бѣдны горы!
На Васъ я печально
Устремляю взоры:

¹⁾ Жатковичъ. «Наріонтъ» (рукопись).

²⁾ Листокъ, 1893, стр. 67.

³⁾ Листокъ, 1893, стр. 65.

Что за дивна сила
Вась тутъ наметала?
Лучъ тепленькій солнца
У земли украла...

Крыете-ли въ нѣдрахъ
Для насъ лучшу долю?
Иль готовите намъ
Вѣчную неволю?!

Вотъ и доля жителей Верховины! О нихъ и во время войны заботились меньше всего, потому-что она, кромѣ Великодня, никогда не сыта. Но за ихъ стойкость исторія ихъ хвалить!¹⁾

О томъ-же сочувствіи горю своего народа говоритъ и его изящная проза.

Материнъ уже въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія высказалъ настоящую причину бѣдственнаго положенія Верховины словами слабосильнаго отрока-русначка, который жалуется, что «жиды намъ не помогаютъ». И беретъ за сердце, когда читаешь его прекрасное сравненіе о драгомидахъ²⁾: «Не окаменѣлыя-ли это слезы народа нашего, страдавшаго такъ долго и плакавшаго?»

Тогда-же уподобилъ Материнъ нашу землю Ирландіи. И дѣйствительно, тогдашняя Ирландія, ограбленная Англіей, была похожа на Угорскую Русь.

Верховины, моей родной земли, я не видалъ уже 32 года. Я былъ-бы радъ увидѣть ее теперь и порадоваться, если, кромѣ свѣжаго воздуха, есть на что порадоваться! Особенно-же «если ропа — не солена»!

А. Митракъ — этнографъ.

«Послѣ богословскихъ наукъ А. Митракъ предпринялъ съ К. путешествіе, по большей части пѣшкомъ, въ Галичину, даже до Львова»³⁾). Я думаю, что во время этого путешествія А. Митракъ имѣлъ удобный случай познакомиться съ галицкими писателями, и въ особенности съ Я. Головацкимъ, который, между прочимъ, бывалъ и въ нашемъ краю, такъ какъ сообщеніе съ Галиціей въ то время затрудненій не представляло. Знакомство съ Головацкимъ, а позднѣе въ Мукачевѣ съ мадьярскимъ археологомъ и историко-этнографомъ Теодоромъ Легоцкимъ побудило Митрака къ собранію народныхъ пѣсенъ и сказокъ, къ наблюденію надъ народными обычаями — свадебными, похоронными, гусками.

¹⁾ Memoir du Prince Francois Rakocz. Hague S. Neaulme. 1739.

²⁾ Драгомить — кварцевый камень, блестящій на солнцѣ; есть при рѣчкахъ Вича, Боржана, Рѣка и др.

³⁾ См. «Путевыя впечатлѣнія на Верховинѣ» и «Отъ зняцевскихъ мостовъ», Свѣтъ, Ужгородъ, 1867. Также Листокъ, 1893, стр. 78.

комашнями и пр. Часть народных пѣсенъ, собранныхъ Митракомъ, была помѣщена въ извѣстномъ сборникѣ Головацкаго: «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси», а переводъ сихъ пѣсенъ на мадьярскій языкъ былъ напечатанъ въ сборникѣ Lehoczky Tivadar „Magyar orosz népdalok,“¹⁾

Въ это-же время сталъ А. Митракъ помѣщать свои стихотворенія и изящную прозу въ «Мѣсяцословахъ» Кимака-Кралицкаго (1866), А. Гомичкова (1865), а позже въ изданіяхъ О-ва св. Василія Великаго, въ журналѣ «Свѣтъ» (1867)²⁾ и во львовскомъ «Словѣ».

А. Митракъ — ученый.

Въ Мукачевѣ-же началъ Митракъ работать по порученію О-ва св. Василія Великаго надъ составленіемъ «Русско-Мадьярскаго Словаря», который увѣковѣчилъ имя составителя и который дѣйствительно является цѣннѣйшимъ вкладомъ въ русскую науку вообще. Окончено составленіе словаря было въ Ясеновѣ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Тамъ у Митрака не было даже квартиры подходящей для работы. Онъ безъ разрѣшенія епископа оставилъ этотъ приходъ въ 1870 году, и только въ 1871 году былъ назначенъ въ Кленову, гдѣ пробылъ до 1892 года въ санѣ благочиннаго. Здѣсь была исполнена имъ и вторая часть работы, а именно: «Magyar-ország szótár». — «Мадьярско-Русскій Словарь», законченный въ 1891 году.

Однако, О-во св. Василія Великаго не могло издать «Русско-Мадьярскій Словарь» «изъ за политическихъ причинъ», какъ указывали новые предводители О-ва 1872 года. А Мадьярская Академія Наукъ, куда Митракъ обратился со своимъ словаремъ, не могла принять его словаря «вслѣдствіи научныхъ причинъ». **Такъ и издалъ свой словарь самъ А. Митракъ**³⁾. «А якъ истинный ревнитель просвѣщенія показался тѣмъ, что три тысяча томовъ помянутаго Словаря жертвовалъ онъ въ пользу О-ва св. Василія Великаго; и О-во св. Василія Великаго не могло лучше оцѣнить жертвованіе Митрака, якъ тѣмъ, что 5 книжокъ сего словаря продаетъ по 3 короны; сякъ доступнымъ стался сей Словарь для каждаго; и достигнута цѣль изданія Словаря: просвѣщеніе народа и образованіе родного языка... Онъ (Митракъ) уже въ жизни стался безсмертнымъ по за свой Словарь» — такъ писалъ о Митракѣ «Мѣсяцословъ» 1898 года⁴⁾.

¹⁾ Изданіе ужгородское.

²⁾ Жаль, что во время обыска квартиры А. Митрака въ Росвиговѣ въ 1913 г. его книги и рукописи были взяты полиціей.

³⁾ Русско-Мадьярскій Словарь. Составленъ Александромъ Митракомъ. Изданіе составителя. Унгваръ, Книгопечатня Юсифа Фейшиша. 1881.

⁴⁾ Изд. О-ва св. Василія Великаго, стр. 35.

Мадьярская-же Академія Наукъ не приняла также и «Русско-Мадьярскій Словарь» Андрея Гебея, префекта духовной семинаріи въ Ужгородѣ. Собственно говоря это былъ трудъ о. Виктора Гебея, извѣстнаго народолюбца и по чину — протоіерея въ Ужгородѣ¹⁾).

Однако, эта-же Академія Наукъ «изъ научныхъ взглядовъ» вѣнчала преміей «Русько-Мадьярскій Словарь» написанный Ласловомъ Чопеемъ²⁾). Его преимущество передъ словарями Митрака и Гебея состояло въ томъ, что авторомъ его былъ Ласловъ, а не Василій, въ то время какъ первые были составлены только Александромъ и Викторомъ. Этотъ Ласловъ Чопей переписалъ кириллицей всѣ мадьярскія слова, употребляемая на низахъ Угорской Руси и закончилъ на этомъ свой трудъ, признанный «научнымъ».

Изданія второй части своего словаря Митракъ не дождался, однако исторія этого изданія похожа на изданіе первой части. Кажется и въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія наша бывалая Угорщина боится русской печати.

Личность А. Митрака.

Знавшіе его лично, представляютъ А. Митрака священникомъ святой, аскетической, замкнутой жизни, занимавшимся постоянно книжнымъ трудомъ.

Въ Росвиговѣ его единственнымъ развлеченіемъ и отдыхомъ отъ труда было садоводство. По словамъ его знакомыхъ онъ никуда не ходилъ, кромѣ церкви³⁾). Хотя онъ всю свою жизнь посвятилъ своимъ сестрамъ и своей духовной паствѣ, однако послѣ смерти старшей сестры онъ преждевременно, 13. I. 1900 года, подалъ въ отставку и переселился въ Ужгородъ на Капитульскую ул., гдѣ у него былъ домикъ, перешедшій ему по наслѣдству. Причина его отставки заключалась въ томъ, что на послѣднемъ приходѣ непріятности, причиняемая ему со стороны недоброжелателей, стали невыносимыми. Добросердечный, тихій и малоэнергичный въ смыслѣ протеста Митракъ уступилъ своимъ прихожанамъ и оставилъ ихъ, яко св. Павелъ своихъ вла-

¹⁾ Онъ былъ роднымъ братомъ префекта дух. семинаріи — Андрея, между прочимъ даже не говорившаго хорошо по русски. А Викторъ былъ и редакторомъ «Новаго Свѣта» и ревностнымъ покровителемъ О-ва св. Василя Великаго. Благодаря его покровительству были изданы мои «Христоматія» и *Egyházi-szláv nyelvtan*, иждивеніемъ книгопечатни фонда Епархіи Мукачевской. А его словарь и я переписывалъ начисто въ дух. семинаріи въ 1880 году.

²⁾ Будапештъ, 1883.

³⁾ О. Архидіаконъ Алексѣй Коссей и о. парохъ росвиговскій Ерминъ Дудинскій встрѣчались съ нимъ только въ его росвиговскомъ домѣ.

ховъ¹⁾). Они не представляли себѣ его высоту, готовую жертвовать даже хлѣбомъ насущнымъ мира ради, не понимали духовнаго значенія его трудовъ²⁾).

Измѣнникомъ своего отечества А. Митракъ не могъ быть ни по своему покорному власти духу, ни по воспитанію — поповскаго сына, и однако на восьмой годъ его пребыванія въ Росвиговѣ его квартиру обыскала полиція и всѣ рукописи, имѣвшіяся у него въ большомъ количествѣ, унесла съ собой. Это было слишкомъ даже для тихаго Митрака, не по силамъ ему, и онъ вскорѣ и скончался въ Росвиговѣ 17 марта 1913 года.

А. Митракъ былъ исповѣдникомъ русскаго характера и воспитанія.

Языкъ А. Митрака.

Будучи на кафедрѣ русскаго языка въ ужгородской гимназіи, я совѣтовалъ моимъ ученикамъ³⁾ выучивать и стихи и прозу Митрака. И они не жаловались, что его «не розумѣютъ». Да и я въ молодости изъ всѣхъ нашихъ мѣстныхъ писателей больше всего любилъ Митрака. Онъ былъ мнѣ ближе и по языку и по духу.

Ясность, краткость изложенія и простота языка — вотъ что мнѣ нравилось у него. Поэтому меня и не удивляетъ, что во время угорской державности языкъ Митрака всѣхъ удовлетворялъ. Однако, чтобы понятно писать для Подкарпатской Руси, необходимо знаніе русскаго литературнаго языка. Митракъ не только изучилъ этотъ языкъ, но и былъ въ состояніи провести научное сравненіе съ финско-угорскимъ языкомъ — мадьярскимъ. Его словарь достаточно свидѣтельствуетъ, что оба языка онъ зналъ въ совершенствѣ, со всѣми ихъ стѣнками, свойствами и оборотами. Митракъ — былъ несомнѣнно ученымъ. Онъ далъ возможность и братіи своей, говорящей на обоихъ языкахъ, совершенствовать знаніе родной рѣчи. Кто научился въ совершенствѣ русскому литературному языку — передъ тѣмъ открыть весь

¹⁾ Его іереміады, написанныя маленькими буквами въ метричной книгѣ на шести страницахъ, говорятъ о его душевной скорби о томъ, что онъ не въ силахъ вести свою паству къ назначенной имъ высшей цѣли. Эти записки представляютъ его христіанскимъ исповѣдникомъ, страдавшимъ духовною христіанскою болѣзною Христа ради.

²⁾ «Вѣрники своимъ поведеніемъ объявили, что они мнѣ не вѣрують, къ мнѣ довѣрія не имѣють и опасаются, что я ихъ обману, надую; и что они видятъ во мнѣ просто обманщика». «Среди такого народа, какую пользу можетъ принести служеніе священника? Напрасный трудъ; цѣлая жизнь — потеряна!» «Усь попа! — такъ травили на мене пса — дѣти». Такъ восклицаетъ Митракъ. И въ концѣ успокаивается, цитируя слова Ифигеніи: «До конца ни одинъ изъ людей не бываетъ счастливъ иль блаженъ; не родился такой, чтобы горя не зналъ!» Написано собственною рукою А. Митрака въ парохіальномъ протоколѣ. Переписано о. С. С.

³⁾ Моихъ учениковъ въ 1897/98 году было 167, а всѣхъ греко-католиковъ 246.

міръ, всѣ науки будутъ ему доступны, потому-что не было такой научной литературы заграницей, которая-бы не была издана на русскомъ языкѣ въ самомъ точномъ переводѣ. Посредствомъ-же словаря Митрака нашъ братъ, карпато-россъ, при университетскомъ обученіи можетъ ознакомиться въ русскомъ переводѣ со всѣми не русскими авторами, которыхъ будутъ ему рекомендовать профессора, напр., съ нѣмецкими, англійскими, итальянскими, французскими и т. д. Такого богатства пособій на родномъ языкѣ не найдете во всѣхъ прочихъ европейскихъ литературахъ.

А самый способъ писанія Митрака былъ-бы и теперь на пользу и пану и Ивану въ элементарныхъ, начальныхъ школахъ, да и въ современной печати для простого народа и въ современной домашней журналистикѣ.

А Митракъ ни въ чемъ не погрѣшилъ противъ русскаго литературнаго языка!

Я не имѣлъ счастья лично быть знакомымъ съ А. Митракомъ, а тѣмъ самымъ и говорить съ нимъ, однако утверждаю, что его произношеніе не могло разниться съ произношеніемъ прочихъ нашихъ поповъ, пѣвцо-учителей и вообще учившихся въ ужгородскихъ школахъ. Но доподлинно знаю, что Кралицкій, Кирилль Сабовъ, Сильвай, Фенцикъ-Владиміръ и др. говорили съ тѣмъ самымъ произношеніемъ, что и я обыкновенно говорю теперь, какъ говорилъ и прежде.

Это единообразіе установилъ научно уже въ 1895 году извѣстный европейскій лингвистъ, специалистъ въ области фонетики (гдѣ онъ былъ всегда авторитетомъ) — Д-ръ Олафъ Брокъ¹⁾. Онъ утверждалъ, что ужгородская знать говорила съ единообразнымъ произношеніемъ. Съ тѣмъ-же произношеніемъ читались и церковныя книги. Духъ Митрака-Материна, парящій въ невѣдомомъ просторѣ небесномъ, вѣрю, согласится со всѣмъ тѣмъ, что я излагаю при его скромномъ памятникѣ, что я въ его незримомъ присутствіи приношу благодарность всѣмъ моимъ учителямъ, которые научили меня любить и уважать русскую книгу. Александру-же Андреевичу Митраку приношу безконечную благодарность за его словари, которые всегда были мнѣ руководствомъ при моихъ занятіяхъ.

Память его будетъ вѣчна среди насъ, какъ вѣчна будетъ Русская Культура на Подкарпатской Руси!

Примѣчаніе.

Источники, изъ которыхъ я черпалъ, мною указаны всюду въ примѣчаніяхъ, однако не всегда полно, такъ какъ я не имѣлъ возможности въ настоящее время пользоваться всѣми книгами и газетами, на которыя я ссылаюсь. Очень-бы

¹⁾ Dr. Olaf Brok: Zum kleinrussischen in Ungarn. Christiania, 1896.

большую услугу сдѣлали почтенные читатели, имѣющія у себя названныя изданія, если-бы предоставили ихъ въ пользование архива при О-вѣ им. А. В. Духновича. — Газета «Листокъ» упоминаетъ товарища Митрака — С..., который побуждалъ въ Сукмарѣ изучать русскій языкъ. Кажется, что этотъ С... былъ никто иной, какъ И. Сильвай, который былъ годомъ моложе Митрака. Что касается спутника Митрака по пути въ Львовъ — К..., то имъ могъ быть А. Кралицкій или В. Ф. Кимакъ. «Листокъ» отъ 1893 года сообщаетъ также, что «весьма дѣльная и вполне заслуженная оцѣнка ихъ (стиховъ) помѣщена Петромъ Феерчакомъ въ его «Очерки лит. движенія угорскихъ русскихъ», Одесса, 1888, стр. 79.

Біографія о. Александра Андреевича Митрака-Материна¹⁾.

А. А. Митракъ родился въ селѣ Плоское 16 октября 1837 года. Родителями его были о. Андрей Митракъ, парохъ въ Плоскомъ и Сузанна Бренцовичева (возможно дочка о. Стефана Бренцовича, пароха въ Маломъ Березномъ въ 1831 г.

Среднюю школу окончилъ: I—VI кл. гимназіи въ Ужгородѣ, а VII—VIII кл. въ Сукмарѣ²⁾.

Принятъ въ духовную ужгородскую семинарію 5 октября 1856 г., поставленъ въ чтецы 18 дек. 1857 г., въ поддіаконы 8 окт. 1862 г., рукоположенъ въ діаконы 19 окт. 1862 г. въ Ужгородѣ и тамъ-же въ пресвитеры 4 ноября 1862 г. епископомъ Васиціемъ Поповичемъ.

Отъ 21 ноября 1862 года и до конца іюня Митракъ былъ сструдникомъ въ Ильницѣ; отъ 20 ноября 1863 года и по 4 апрѣля 1864 года сотрудникомъ въ В. Лучкахъ; отъ 30 сентября 1868 г. по ноябрь 1870 г. администраторомъ въ Ясеновѣ; отъ 1 мая 1871 г. администраторомъ въ Кленовой; съ 1881 г. и до конца 1891 г. былъ благочиннымъ округа Занастаскаго, проживая въ Кленовой. Съ 1891 г. получилъ назначеніе парохомъ въ Ворочево.

Съ 1 января 1900 г. Митракъ уже въ отставкѣ и проживаетъ сначала въ Ужгородѣ, а съ 1905 г. и до смерти, т. е. до 17 марта 1913 г. въ Росвиговѣ.

¹⁾ По датамъ Архива Епархіи Мукачевской.

²⁾ VII и VIII кл. гимназіи въ то время не было въ Ужгородѣ, а ближайшими были гимназіи съ высшими классами въ Сукмарѣ и Кошицахъ. Въ Кошицахъ-же учился и мой отецъ; дѣдъ обучался въ конвктѣ въ Трнавѣ, а прапрадѣдъ, по словамъ его-же внука, «поплылъ по Тиссѣ плотомъ до Сегедина, старшій братъ историка Жатковича сдалъ матуру въ В. Варадинѣ.

Приложеніе. Изъ моихъ воспоминаній.

Я позволю себѣ подѣлиться нѣкоторыми личными воспоминаніями о той эпохѣ, когда жилъ и трудился А. А. Митракъ. Эти воспоминанія ограничены или кругомъ моей семьи, или отдѣльными случаями, но могутъ послужить будущему историку матерьяломъ для воссозданія характера эпохи, которая въ нашей культурно-національной жизни играла столь значительную роль.

1. Моя тетка, Елена, вдова по о. Михаилу Нодь, пароху ардановскому, во время міровой войны рассказывала мнѣ въ Волокѣ, гдѣ она и померла, слѣдующее: «На обратномъ пути часть русскаго войска ночевала въ Свалявѣ. Я была тогда дѣвочкой лѣтъ одиннадцати. Пріѣзжаетъ квартирмейстеръ съ приказомъ и говсритъ моему отцу: «Везу Вамъ, отче, протопопу русской команды». Пріѣхалъ и протопопъ; переговоры они съ моимъ отцемъ, повечеряли, переночевали, а около 10 час. утра отправился протопопъ вмѣстѣ съ войсками въ путь. Вечеромъ всѣ мы легли, а утромъ я узнала, что отца твоего ночью, почти неодѣтаго, схватили нѣмцы. А позже мы узнали, что по дорогѣ былъ схваченъ также и о. Иванъ Кишъ изъ Воловца и о. Марусанецъ изъ Гукливаго, и всѣхъ ихъ отправили въ Галицію, гдѣ и арестовали. Только благодаря ходатайству графскаго инспектора Вайса, родомъ нѣмца, друга твоего отца, удалось ихъ освободить послѣ двухнедѣльнаго ареста.

2. Мой дѣдъ Кирилль А. Сабовъ писалъ мнѣ въ 1880 г. послѣ народной переписи нижеслѣдующее: «Было то въ 1850 г., когда реакція Вѣнскаго правительства была въ наибольшемъ разгарѣ; отецъ твой, гимназистъ VI класса въ Ужгородѣ, провожалъ въ могилу вмѣстѣ съ 11 сошкольниками помершаго товарища. Всѣ они были одѣты въ парадное мадьярское платье, одолженное ими у ремесленниковъ, и съ саблями. На обратномъ пути съ кладбища промаршировали они подъ замкомъ и по Капитульной улицѣ. Въ верхнемъ этажѣ конвикта поповскихъ сиротъ имѣлъ квартиру воинскій командиръ. Сидя у окна, онъ увидѣлъ проходящихъ — быть можетъ и сабля забряцала... Постъ закричалъ «Кверъ гераусъ!» и всѣхъ арестовали. Четыре дня пришлось директору гимназіи, протоіерею и капитульному викарію о. Іоанну Чурговичу ходатайствовать, пока удалось убѣдить командира, что это — не была революція.

Въ 1849 г., на обратномъ пути въ Россію, часть русскаго войска стояла на полѣ вблизи Королёва надъ Тиссою. Казацкій конвой приводитъ о. Василія Талапковича, пароха изъ В. Копани. Стали его допрашивать: гдѣ, съ кѣмъ и какъ участвовалъ онъ въ мадьярскомъ возстаніи. Послѣ допроса казаки провожали о. Талапковича назадъ въ В. Копани и

тамъ на церковной площади высѣкли Пушкинскаго «презрѣннаго еврея» . . . доносчика¹⁾).

4. На первой св. Литургіи моего отца, Ивана Антонова Сабова, въ 1857 г. лѣтомъ въ Воловской церкви церковную проповѣдь сказалъ его-же шуринъ о. Михайль Нодь. Предметомъ проповѣди было достоинство тайны священства: власть, получаемая священникомъ, отпускать грѣхи. Осенью о. Михайль получилъ отъ епископа приказъ: «немедленно явиться у владыки Василя и принести съ собою рукопись проповѣди, сказанной въ Воловомъ во время примаціи о. Ивана А. Сабова. Нодь явился.

— Ну, прочитай проповѣдь, — сказалъ владыка. И послѣ добавилъ: — подай сюда и иди съ Богомъ домой.

— Но якъ-же, Ваше Преосвященство?

— Тебя обвинила полиція въ измѣнѣ Его Величеству Царю. Я сего преступленія въ твоей проповѣди не нахожу — сказалъ успокоительно владыка.

5. Нашъ историкъ К. Ю. Жатковичъ, учившійся въ 60-хъ годахъ въ мукачевской нормальной школѣ р. каѳ. церкви, былъ въ то время «на хлѣбахъ» у нѣмецкаго беамтера, супруга котораго была полька. Какъ только пришелъ указъ обучать въ школѣ по-нѣмецки, Жатковичъ и его товарищи перестали съ хозяевами говорить по-нѣмецки и начали учиться у нихъ польскому языку. И гдѣ только можно было, не подвергаясь большой опасности, ученики школъ и «учни» ремесленниковъ пѣли сатирическую пѣсенку: «Что за гунцвуть тотъ нѣмецъ, тотъ нѣмецъ . . .»

¹⁾ «Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей», «Черная шаль».
